

Модель экономики и уголовно-правовое регулирование*

Колесников В.В.

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой Санкт-Петербургского
юридического института (филиала) Академии Генпрокуратуры РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ
E-mail: kvvksn@mail.ru

Аннотация. Раскрывается взаимная связь и обусловленность между применяемой моделью экономики и уголовно-правовым регулированием экономической жизни. Особое внимание уделено анализу либерализации уголовного закона и ее последствиям и критике неолиберальной экономической модели. Обосновываются предложения о переходе на либеральную модель экономики, способную принципиально решить проблемы общественного развития, и о построении адекватной системы уголовно-правового регулирования сферы экономической деятельности.

Ключевые слова: уголовно-правовое регулирование сферы экономической деятельности, либерализация уголовного закона, модели экономики, либерализм и неолиберализм в экономике.

*И сказал Иисус: Горе и вам, законники,
ибо возлагаете на людей бремя тяжелое,
а сами и пальцем не пошевелите,
чтобы помочь нести это бремя.
(Святое благовествование от Луки)*

*Salus populi suprema lex
(Благо народа — высший закон!)*

Много ли политиков, экономистов и правоведов задумывается над тем, что существует тесная взаимная связь и обусловленность между двумя феноменами — моделью экономики и уголовно-правовым регулированием? Ответ, думается, очевиден. На самом деле, хочет этого кто-либо или нет, действующая модель экономики выступает главным фактором детерминации идеологии уголовно-правовой политики и реформирования уголовного законодательства. Поэтому попытки исправления известных «перекосов» этой политики в части так называемой либерализации и гуманизации будут иметь слабый эффект до тех пор, пока не выйдут на уровень системного понимания проблемы. Последний предполагает переход от тактических операционно-управленческих действий к стратегической смене парадигмы экономического развития, формированию соответствующей новой экономической модели и адекватной системы правового регулирования, которые бы отвечали целям и задачам развития российского общества на долгосрочную перспективу, обеспечивали национальную безопасность, устойчивый экономический рост и повышение жизненного уровня всех граждан, генерировали и воспроизводили в экономике и обществе свойства свободы, равенства и справедливости. Сформулированная гипотеза и будет подлежать краткому обоснованию в нашей статье. При этом заметим, что тема, конечно, требует более глубокого рассмотрения

и широкого обсуждения; мы же попытаемся — не претендуя на исчерпывающую полноту и завершенность выводов — обозначить лишь некоторые из наиболее существенных междисциплинарных позиций.

Как показал опыт рыночных преобразований в современной России уголовно-правовое регулирование экономических отношений — это сфера столкновения не только и не столько материальных интересов ключевых социальных страт общества (хотя данный фактор, безусловно, существенен), сколько область жесткого идеологического противостояния. Именно здесь в пореформенный период обострилась борьба за обладание мощной силой — инструментарием уголовной репрессии. От того, в чьих руках он находится, зависит онтологическая интерпретация преступного: какое поведение считать преступным, а какое — непроступным. В русском издании американского учебника «Криминология» во второй главе «Формулируя определения преступности» ее автор, Джозеф Шели подчеркивает прямую связь «конструирования» законов, в которых прописано, что и кого считать преступным, и интересов властных элит¹.

И если в части традиционных преступлений общеуголовного характера (грабежей, хищений, убийств и т.п.) отношение сохранилось неизменно жестким и в оценке — уголовно-правовой квалификации, и в применении наказания — как правило, связанного с лишением свободы, то делинквентное поведение в сфере экономической и управленческой деятельности стало полем

* Статья подготовлена по материалам доклада автора «Уголовно-правовые инновации и экономическая политика: какие реформы нам нужны?» на пленарном заседании IX Российского конгресса уголовного права «Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен» (Москва, 29 мая 2014 г., МГУ им. М.В. Ломоносова).

¹ См.: Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели / пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. С. 77–100.

для серьезной переоценки подходов. Переоценка вылилась в систему практических действий, которые назвали либерализацией и гуманизацией уголовного законодательства. И коснулось это преимущественно квалификации и наказания за экономические и служебные, в том числе коррупционные, преступления. Если говорить с определенной долей упрощения, заинтересованными субъектами здесь являются две категории правонарушителей — из числа представителей бизнеса и чиновничества. Обе группы за рубежом принято называть одним объединяющим понятием — «белыми воротничками». Иными словами, меры по либерализации и гуманизации коснулись именно «беловоротничковой» преступности. Понятие и тематику «беловоротничковой» преступности ввел в научный оборот американский социокриминолог Эдвин Саттерленд, который одним из первых обозначил особую социальную опасность преступлений, совершаемых уважаемыми лицами, занимающими высокое положение в обществе и использующими его с целью злоупотребления доверием². Криминологический анализ этой преступности мы дали в монографии «Преступность в сфере экономической деятельности» (2000 г.)³.

Анализ законодательных новаций, криминальной обстановки и эффективности противодействия криминальным явлениям со стороны правоохранительных структур государства позволяет специалистам говорить, что появление либерального вектора в уголовно-правовой политике не было случайностью. Он явился неким концентрированным воплощением чаяний бизнес-элиты и правящего политического класса на основе совпадения коренных интересов. И в этом нет ничего необычного, такова логика общественного развития, основанного на капиталистических началах экономики, — это давно описано в марксистских источниках, в социологической литературе, трудах ряда западных криминологов и представителей теории общественного выбора. Еще накануне появления названного вектора и по итогам 1990-х гг. криминологи констатировали: «Мы сегодня столкнулись с парадоксальным, казалось бы, явлением, когда борьба с преступностью, особенно преступностью экономической, стала рассматриваться властью как угроза самой власти»⁴.

В дальнейшем говорилось уже о диагнозе латентного заболевания властных элит псевдолиберальной модернизацией и гуманизацией уголовного законодательства⁵.

В результате проведения политики либерализации и гуманизации в сфере уголовно-правового регулирования экономических отношений произошли принципиальные изменения, которые не могли не отразиться на соблюдении конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Наиболее явно это проявилось в том, что впервые были значительно снижены риски тюремного наказания за совершение «беловоротничковых» преступлений (так называемая преступность богатых — бизнесменов и чиновников) по сравнению с рисками за преступные деяния «бедных граждан». При этом нельзя не вспомнить, что авторитетные зарубежные криминологи, занимающиеся проблемой привилегированной преступности, подчеркивают особую социальную опасность этого явления. Ими, в частности, формулируется следующее важное положение: «Если оказывается, что государственные чиновники и организации мирятся с наличием “беловоротничковой” преступности, то станет значительно сложнее убедить граждан в необходимости быть честными»⁶. Видные отечественные специалисты также утверждают, что «беловоротничковая» преступность наиболее опасна и разрушительна для общества!⁷ Государство не может и не должно терпимо относиться к противоправному поведению «белых воротничков» — этот вывод должен выступать очевидным императивом демократических политических режимов. На практике не всегда бывает так, и задача общества состоит в том, чтобы попытаться устранить наметившийся отход от таких традиций в сфере уголовно-правового регулирования экономических отношений.

Мы не намерены перечислять и анализировать все нормативные правовые акты, внесшие «либеральные» изменения в УК РФ, специалисты в области уголовного права прекрасно знают о них и неоднократно пытались говорить в научной литературе и массовых СМИ о серьезности проблемы перекраивания уголовного закона⁸.

² См.: Sutherland E.H. White Collar Criminality // American Sociological Review. 1940. Vol. V. P. 1–12; Idem. Crime and business // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1941. Vol. CCXVII. P. 112–118; Idem. Is «White Collar Crime» Crime? // American Sociological Review. 1945. Vol. 10. P. 132–139; Idem. White Collar Crime. N.Y., 1949. P. 9.

³ См.: Колесников В.В., Егоршин В.М. Преступность в сфере экономической деятельности. СПб.: Фонд «Университет», 2000.

⁴ Голик Ю.В. От экономической преступности к преступной экономике // Организованная преступность и коррупция. 2000. № 2. С. 57.

⁵ См.: Колесников В.В. Противодействие криминальным явлениям в экономике: новый тренд // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Эконом. науки. Т. 2. 2012. № 2–2 (144). С. 247.

⁶ Шовер Н., Хохстетлер Э. «Привилегированная» преступность // Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели. С. 349–350.

⁷ См.: Голик Ю.В. Указ. соч.; Лунеев В.В. Преступность XX в. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1999. С. 478.

⁸ См.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М.: Юрайт, 2010; Лопашенко Н.А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 4 (14). С. 36–44;

Наша задача состоит в том, чтобы обратить внимание на наличие некоего устойчивого тренда, начало которому положили, как представляется, изменения в УК РФ, внесенные еще в декабре 2003 г.

Напомним об одном из нормативных правовых актов, принятых в том месяце — Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ»⁹. Этим законом были внесены экстраординарные изменения в УК РФ, касающиеся конфискации — ее просто удалили из кодекса... Причем сделали это за сутки до подписания 9 декабря 2003 г. Россией Конвенции ООН против коррупции в мексиканском городе Мерида. При этом важно подчеркнуть, что названная конвенция считает конфискацию ключевым средством предупреждения коррупционных преступлений! Сложно предположить, что внося столь кардинальные «либерализационные» изменения в уголовный закон, законодатель прибывал в благодушном неведении относительно и предстоящего подписания Конвенции и того, какое значение в ней придастся институту конфискации... Некоторые специалисты назвали эти изменения в УК РФ, связанные с конфискацией, «защитой безопасности криминально-олигархических кланов»¹⁰.

И лишь более чем через два с половиной года конфискацию, в соответствии с нормами Федерального закона от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и ФЗ "О противодействии терроризму"», вернули в УК РФ¹¹. Однако этот институт подвергся очевидной инверсии, изменившей не только смысл, но и его статус и значение: из ка-

тегории отдельного и крайне важного вида наказания конфискацию сделали просто некой мерой уголовно-правового характера, и применяться она стала в отношении крайне ограниченного числа составов. И, собственно, конфискации теперь подлежало не все имущество (недвижимость, денежные средства и активы), а лишь та его часть, которая в судебном порядке будет признана полученной преступным путем.

После манипуляций с конфискацией последовал еще ряд изменений в УК РФ, касающийся «ослаблений» в отношении преступников в «белых воротничках»: были исключены статьи о незаконном предпринимательстве, о контрабанде, уголовное наказание в виде лишения свободы для «привилегированных» преступников было преимущественно заменено на выплату штрафов, введено освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности для лиц, которые впервые их совершили — при условии возмещения ущерба и т.д. и т.п.

Проведение последовательной политики либерализации уголовного законодательства в части «беловоротничковой» преступности неизменно сопровождалось «идеологическим прикрытием» — настойчиво декларировалось, что ее цель и задачи обуславливаются, прежде всего, заботой о свободе экономической деятельности. Или, другими словами, предпринимательской деятельности или бизнес-деятельности. К слову, о свободе трудовой деятельности наемных работников, к числу которых относится как минимум 90 % населения страны, с 1990-х гг. и до сих пор редко кто вспоминает и тревожится... Антикризисные программы также направлены на поддержку банков и бизнеса, причем крупного и сверхкрупного. В этом опять-таки ничего нового нет. Это давно испробованная практика неолиберальной экономической политики, опирающейся не на стимулирование платежеспособного спроса населения и макроэкономического роста, а на монетаристские рычаги, когда все усилия затрачиваются на подавление инфляции за счет сдерживания денежной массы, которого, в свою очередь, можно достичь только в условиях жесткого сдерживания роста доходов, «замораживания» (или обесценивания — за счет «обвала» рубля, как сегодня мы наблюдаем) зарплат, пенсий, пособий и т.п. Борьба с инфляцией у монетаристов-неолибералов превращается в маниакальную самоцель, застилающую глаза и не позволяющую увидеть объективно складывающуюся картину в экономике. В последнее время против монетаристских методов стали выступать даже представители отечественного бизнеса. Так, 24 декабря 2014 г. на телеканале «Россия-24» в передаче под рубрикой «Реплика» уполномоченный по

Он же. Беспредельное судебское усмотрение. Уголовный закон, призванный бороться с преступностью, содержит нормы, ее порождающие // Независимая газета. 2013. 5 февр. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/11_cud.html (дата обращения — 6 февраля 2013); Комиссаров В. Криминологическая реальность в статистику не укладывается // Независимая газета. 2013. 5 февр. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/11_crim.html (дата обращения: 6.02.2013); Овчинский В.С. Ледокол гуманизации // Независимая газета. 2011. 5 апреля; Скобликов П.А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России // Закон. 2011. № 9. С. 96–105; Костина О. Особо тяжкая реформа // Однако. 2011. № 6 (70). URL: http://www.odnako.ru/magazine/main_theme/osobo_tyazhkaya_reforma/ (дата обращения: 9.02.2011).

⁹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.04.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

¹⁰ Лунев В.В. Указ. соч. С. 362.

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и ФЗ "О противодействии терроризму"» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3452.

правам предпринимателей при Президенте РФ Борис Титов заявил, что от этих методов давно отказались США и Западная Европа, а у нас они продолжают настойчиво применяться, и что это ведет к катастрофе. Он напомнил о неожиданном повышении Центробанком России ставки рефинансирования до уровня 17 % и о том, что многие банки воспользовались своим правом в одностороннем порядке повышать проценты по кредитам, а это в совокупности, — сказал Б. Титов, — прямой путь к дефолту. Заметим, что в данном случае ЦБ в очередной раз выполнил «странное» требование МВФ, противоречащее логике выхода из кризиса...

Правомерно задаться вопросом, привела ли либерализация уголовного закона к снижению уровня криминализации сферы экономической деятельности? Судя по данным официальной уголовной статистики — «да»: за четыре года число выявленных правоохранительными органами экономических преступлений сократилось в 2,6 раза, за пять лет — в 3,2 раза!.. Произошло не просто резкое, а обвальное сокращение числа выявляемых экономических преступлений: если в 2008 г. было зарегистрировано 448,8 тыс. экономических преступлений, то в 2012 г. — уже 173 тыс. таких преступлений, в 2013 г. — всего 141 тыс.¹²

Но действительно ли эти данные говорят о том, что было обеспечено снижение уровня криминализации сферы экономической деятельности? С позиций формальной логики в этом почти нет сомнений, а вот криминологически такое утверждение не выдерживает критики. Во-первых, уголовно-правовая декриминализация ряда преступных деяний говорит о том, что преступное мы перестали называть таковым, но изменение формы еще не означает, что произошло изменение (санация) содержания. Во-вторых, сложились условия, при которых правоохранительным структурам стало по большому счету невыгодно заниматься выявлением и расследованием экономических преступлений, преступлений «белых воротничков». В последние годы на самом высоком уровне был принят ряд решений, а также ведомственных актов отдельных правоохранительных органов, запрещающих «прессинг» против предпринимателей и их бизнеса, резко ограничивших оперативные и иные возможности соответствующих силовых ведомств государства в осуществлении проверок деятельности субъектов предпринимательства. В речевой оборот политического истеблишмента было введено странное сленговое словосочетание «Хватит кошмарить бизнес!». Вдобавок открыли институт уполномоченного по правам предпринимателей, — институт, по сути, призванный защищать состоятельных граждан, а не

обездоленных, сирых и убогих... Аналогичные примеры институционального строительства есть в западных странах, где тотально доминирует неолиберальная политика и идеология эпохи постмодерна.

Вместе с тем нельзя отрицать, что положение самого бизнеса и большинства его субъектов в отечественной системе экономических отношений не столь однозначно сбалансированное и стабильное, частную собственность и предпринимательскую деятельность сложно назвать теми институтами, которые имеют абсолютно надежную правовую, в том числе судебную, защиту. Внеэкономические риски для бизнеса остаются крайне высокими, и это не может не ослаблять устойчивость самой макроэкономической системы. Все это сохраняет актуальность вопроса о защите бизнеса. Только защищать его следует не окольными методами, а посредством укрепления и развития механизмов правового государства, усиления роли правовых методов регулирования экономической деятельности, минимизации коррупционной нагрузки, установления надежных гарантий соблюдения права частной собственности.

Однако в любом случае как для бизнеса, так и для самого государства в условиях господства рыночных отношений капиталистического характера всегда должны быть разделены зоны влияния и ответственности. И это правило должно соблюдаться неукоснительно. В ином случае потери будут неизбежны — как с позиций ущерба для экономики и граждан, так и для соблюдения баланса интересов. Это может происходить в двух случаях: и когда государство доминирует в экономике, и когда бизнес начинает диктовать государству, какую экономическую политику проводить. В связи с этим стоит вспомнить мудрое завещание федерального канцлера профессора Людвиг Эрхарда, который четко разграничивал сферы влияния государства и бизнеса: «Ответственным за экономическую политику — я это подчеркиваю — является исключительно государство, в рамках данных ему демократическо-парламентских компетенций и прав. Конечно, вполне законна заинтересованность предпринимателей в экономической политике, как и законно их право высказывать свое мнение, но им самим, как и их представительным органам нельзя вмешиваться в экономическую политику»¹³.

Такое заключение отца успешной послевоенной западногерманской экономической и денежной реформы имеет статус аксиомы для развитых рыночных экономик и должно быть ориентиром для нас. Эта аксиоматика имеет свою четкую ло-

¹² Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.ru>

¹³ Эрхард Л. Благополучие для всех / пер. с нем.; вступ. ст. Б.Б. Багаряцкого, В.Г. Гребенникова. М.: Дело, 2001. С. 135.

гику: поскольку интегральный интерес общества (его можно выразить в формуле Л. Эрхарда «Благосостояние для всех!») и частный интерес бизнеса (максимизация нормы и массы прибыли) являются разновекторными, разнонаправленными, то опасно для страны, ее хозяйства, для граждан и, наконец, для национальной безопасности допускать бизнес к формированию стратегии государственной экономической политики. Можно продолжить эту мысль и подчеркнуть, что не меньшую угрозу для социальной стабильности и равновесия представляет доступ бизнеса к воздействию на уголовную политику в части уголовно-правового регулирования системы экономических отношений, в том числе экономической деятельности. В обоих случаях речь идет, разумеется, о крупном капитале, о мегабизнесе, обладающем гигантскими финансовыми ресурсами, а значит, и значительными возможностями лоббистски воздействовать на выработку идеологии политического истеблишмента, включая его концептуальные представления о механизме правового регулирования экономической деятельности, системы социально-экономических отношений и институтов.

В решении задачи минимизации такого воздействия должны свое веское слово сказать не только правоохранители, но и ученые — специалисты в области уголовного права и криминологии. Наконец, более внятную позицию должно занять и само гражданское общество, которое пока не смогло осознать реальных для себя последствий, происшедших в результате либерализации уголовного законодательства.

Возвращаясь к вопросу о недавней либерализации и гуманизации уголовного законодательства в отношении «беловоротничковой» преступности, следует сказать, что этот период — есть не что иное, как некий ренессанс политики первой половины 1990-х гг., когда действовало основное правило в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности: «разрешено все, что не запрещено законом». Одно отличие: тогда это происходило в условиях дефицита норм УК, когда новые нормы, способные эффективно регулировать данную сферу, не спешили принимать, «по умолчанию» обеспечивая возможность первоначального накопления капитала «любыми способами» в стране, которая многие десятилетия не знала частной собственности; теперь же это происходит в условиях мощных попыток элиминировать уже действующие нормы, установленные в УК РФ 1996 г.

В этой обстановке с удивлением и определенной надеждой было воспринято сообщение о том, что следователей СК РФ заинтересовала гуманизация уголовного законодательства, при этом особый интерес следствие проявило в отношении персонажей, которые руководили

рабочей группой по модернизации этого законодательства, а также Центром правовых и экономических исследований (только по нему было составлено уже 6 томов уголовного дела); по заявлению СМИ, сверхзадача следствия — проследить всю цепочку, выявить всех, кто в 2011-2012 гг. оказывал влияние на изменение норм УК РФ¹⁴. Чем закончилась эта «история», пока не ясно. Остается ждать информации от СК РФ.

Если такого рода сообщения соответствуют действительности и названное расследование ведется, то это говорит, во-первых, о том, что начали происходить некие изменения в сознании субъектов, от которых зависит формирование официальной идеологии в отношении уголовно-правовой квалификации «беловоротничковых» преступлений и наказания за их совершение. Изменения — пока лишь, как было сказано, в идеологии. Но и этого уже не мало! Во-вторых, этими действиями как бы признается факт, — скажем мягко, — не совсем корректного лоббирования интересов «респектабельных лиц» (по терминологии Э. Сатерленда, то есть субъектов бизнеса и чиновничества) при осуществлении изменений уголовного законодательства. Некорректность такого лоббирования обусловлена тем, что одна категория граждан ставится в неравное (а именно: «более привилегированное») положение по отношению к остальным гражданам, что является нарушением Конституции РФ, в которой в п. 1 ст. 19 закреплены равные права всех граждан перед законом и судом! Поразителен и, кстати, весьма показателен факт забвения данного обстоятельства со стороны СМИ, правозащитников, да и нашей юридической общественности. Много шума возникает по мелким поводам, к примеру, в части нарушения равенства граждан при оплате штрафов за нарушение правил дорожного движения, размеры которых для жителей Москвы и Санкт-Петербурга выше, чем для всего остального населения страны. В то же время факт более опасного неравенства граждан, возникновение которого спровоцировано либерализацией и гуманизацией УК РФ, несмотря на его очевидность, остается за пределами широкого публичного обсуждения! Приходится догадываться, то ли это эффект мощного лоббирования постмодернистской неolibеральной идеологии, столь сильно повлиявшей на умы ученых, специалистов и политиков, то ли это проявление некоего синдрома «затурканного» советского человека с гипервысоким чувством самоцензуры?..

Вместе с тем на самом высоком уровне уже начинают понимать, что политика либерализации не принесла ожидаемого эффекта, и уго-

¹⁴ Ведомости. 2013. 8 авг. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/15016551/sledstvie-vyyasnyaet-prichinugumanizacii> (дата обращения: 8.08.2013).

ловно-правовой запрет потерял свою эффективность. На заседании Совета по противодействию коррупции 30 октября 2013 г. Президент РФ В.В. Путин заявил, что замена уголовного наказания за лишением свободы на штрафы не дала необходимого результата, поэтому следует серьезно изучить это обстоятельство: «За первую половину текущего года за получение взятки осуждено почти 700 человек — 692, если быть более точным. Между тем, и на это хотел бы обратить внимание особо, только 8 % взяточников осуждены к реальным срокам лишения свободы. Большинство приговорены к штрафам, которые преступники не платят, находят всевозможные нормативные лазейки. Решение о либерализации в этой сфере, как мы знаем, были приняты ещё в 2011 г. И мы тогда все с этим согласились, надеялись, что это будет обращением к совести тех людей, которые совершают те или иные правонарушения. Но, судя по всему, практика показывает, что *эта либерализация не работает должным образом*. И нужно проанализировать, что здесь происходит...» (выделено нами. — В.К.)¹⁵.

Эти данные в дальнейшем подтвердил и несколько конкретизировал председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин: «Законодательство в отношении преступлений в сфере экономики и взяточничества в России смягчено, лишение свободы по многим статьям заменено штрафами. За первое полугодие 2013 г. только 8 % взяточников осуждены к реальным срокам лишения свободы, остальные должны уплатить назначенный судом штраф». Однако из 20 млрд руб. реальная выплата штрафов составляет только 1 %. «Это только провоцирует рост коррупции», — подчеркнул В. Зорькин¹⁶.

Не так давно руководители СК РФ и МВД России высказались за ужесточение уголовного наказания за мошенничество в сфере предпринимательства. В связи с резким обвалом рубля по отношению к ключевым мировым валютам на коллегии СК РФ его глава А.И. Бастрыкин сообщил, что следует ввести уголовное наказание за спекуляции на валютном рынке¹⁷. А за неделю до этого, 4 декабря 2014 г., в своем послании Федеральному собранию Президент РФ В.В. Путин, комментируя ситуацию на валютном рынке, заявил о том, что власти страны «знают, что это за спекулянты, инструменты влияния на них у нас есть» и призвал применить эти инструмен-

ты влияния: «прошу провести жесткие скоординированные меры, чтобы отбить у спекулянтов охоту играть на курсе рубля»¹⁸.

На протяжении последнего десятилетия из уст представителей неолиберального блока можно было слышать перманентные заявления, что ужесточение уголовной репрессии по отношению к экономическим преступникам может затормозить рыночные реформы. В связи с этим не могут не возникнуть резонные вопросы — например: «Что это за такие реформы, которые могут быть сорваны в результате поимки и наказания преступников?», или: «Какую же модель рыночной экономики (и бизнеса) мы сформировали, что она может быть подорвана, если суды лишат свободы всех выявленных и заслуживающих такого наказания по закону экономических преступников?». Очевидность ответов на них ясна для криминологов и специалистов в области уголовного права так же, как и понятна прямая противоположность позиций неолибералов. Из Госдумы слышны призывы провести расследование и завести на ЦБ уголовные дела в связи с действиями (или бездействием), приведшими к недопустимому обесценению национальной валюты, а ответственные лица этого по закону независимого и никому не подчиняющегося учреждения заявили, что «Банк России должен поддерживать биржевых спекулянтов, но не позволять им концентрироваться»¹⁹. Случайны ли подобного рода заявления? Разумеется, нет. Они продиктованы логикой функционирования экономических и финансовых институтов, которая, в свою очередь, вытекает из общей идеологии построения модели национальной экономики — идеологии неолиберализма. И именно она задает алгоритм действий всех субъектов системы политико-, финансово- и социально-экономических отношений. В связи с этим попытки уголовно-правовыми мерами сгладить системные недостатки данного механизма изначально обречены на низкую эффективность. Поэтому для принципиального решения проблемы следует вести речь о смене модели экономики, о переходе на другую парадигму экономического развития. Только в этом случае мы сможем минимизировать масштабные спекулятивные явления и тотальное мошенничество в сфере экономической и финансовой деятельности²⁰.

¹⁵ Отчет о Заседании Совета по противодействию коррупции 30 октября 2013 г. (Москва, Кремль). URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19516> (дата обращения: 1.11.2013).

¹⁶ Зорькин В. Российские законы провоцируют коррупцию. URL: http://www.infox.ru/authority/mans/2013/11/26/Glava_KS_RF_rossiys.phtml. (дата обращения: 26.11.2013).

¹⁷ Бастрыкин предложил ввести уголовную ответственность за спекуляции. URL: <http://news.mail.ru/politics/20437217/> (дата обращения: 11.12.2014).

¹⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>. (дата обращения: 4.12.2014).

¹⁹ Зампред ЦБ: Банк России должен поддерживать спекулянтов. URL: <http://news.mail.ru/politics/20418953/> (дата обращения — 10 декабря 2014 г.).

²⁰ Колесников В.В. О новой парадигме мирового экономического развития и принципах формирования криминологически здоровых хозяйственных систем и моделей экономического поведения. Экономическое развитие и преступность // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. СПб.: Изд. дом СПбГУ: Изд-во

В чем состоят существенные изъяны нелиберальной модели экономики, и чем она отличается от либеральной экономической модели, которую мы считаем оптимальным вариантом для подъема отечественного хозяйства? Сразу заметим, что нелиберальная идеология и либеральные ценности в экономике — это принципиально разные вещи, нельзя их отождествлять. Неoliberalизм выступает идеологией постмодерна, либерализм — эпохи модерна. Эпоху модерна в сфере экономического развития Запада можно определить в пределах столетнего периода — начиная примерно с 80-х гг. XIX в. и до 80-х гг. XX в. Заключительный период эпохи модерна был связан, по сути, с зарождением и становлением государства всеобщего благосостояния (англ. — *welfare state*). Своего расцвета политика, ориентированная на развитие государства всеобщего благосостояния, получает после Второй мировой войны, особенно в 1950–1970-е гг. В дальнейшем почти повсеместно стал происходить отход от нее, значительно усилившийся в связи с началом осуществления планетарной программы глобализации. Для целей глобализации модель либеральной экономики стала неудобной, в итоге начала побеждать новая идеология развития — идеология neoliberalизма.

Неoliberalная модель экономики имеет ряд системных недостатков. Они связаны, прежде всего, с идеологией постмодерна, которая задает хозяйственному механизму определенные свойства и заставляет действовать в жестких рамках этой заданности. Перечислим ключевые признаки подобных моделей; многие из этих признаков выступают в качестве пороков, генерирующих в экономике и обществе ряд отрицательных внешних эффектов (экстерналий). Во-первых, в функционировании neoliberalных моделей экономики и самой политике западных постмодерных государств прослеживаются тенденции на усиление и поддержку частного предпринимательства и рыночного саморегулирования, сокращение доли государственной собственности, отказ от государственного вмешательства в развитие различных отраслей экономики и от бесплатности множества услуг, в том числе в сферах образования и здравоохранения. При этом, во-вторых, многие элементы государства всеобщего благосостояния, характерного для эпохи модерна и либеральной модели экономики, ликвиди-

руются, а пособия и преференции предоставляются лишь наиболее нуждающимся гражданам, все остальное население обеспечивает себя само. Наконец, государство крайне ограничивает себя в области управления экономикой, настойчиво проводится политика перехода от регулируемого государством монополистического капитализма к его «дезорганизованной» разновидности с большей свободой конкуренции. Многие из отмеченного характерно и для российской neoliberalной экономической модели, хотя налицо и наша особая специфика.

Когда мы говорим о необходимости формирования новой модели национального хозяйства — либеральной модели экономики, то предполагаем, что она должна отвечать ряду принципиальных требований — экономическая модель должна быть не только конкурентоспособна в глобальной системе разделения труда, но и соответствовать стратегическим задачам общественного развития и интересам национальной безопасности, обеспечивать экономический рост, высокий уровень экономической эффективности и социальной заботы о гражданах и воспроизводить в ткани социально-экономических отношений такие фундаментальные свойства рынка, как свобода, равенство и справедливость. Такая конфигурация построения и функционирования национальной хозяйственной системы будет неотвратимо детерминировать воспроизводство и адекватной матрицы уголовно-правовой политики. Последняя, решительно отказываясь от neoliberalных принципов и идеологии, будет, в свою очередь, способна уголовно-правовыми методами оберегать, сохранять и стимулировать либеральный алгоритм воспроизводства социально-экономических отношений при гармоничном сочетании интересов частных и общественных, поощрении деятельности производителей и подавлении спекулятивно-ростовщических манипуляций.

Названные выше принципы свободы, равенства и справедливости, которые должна воспроизводить новая модель экономики, есть не фантазии из анналов утопического социализма или коммунистической идеологии, это и не выдумки неомарксистов или свихнувшихся политтехнологов. Эти принципы — важнейшие императивы, изначально имманентные рыночному хозяйству, природе рыночных отношений, рыночного производства. Так, принцип равенства основывается на эквивалентности рыночного обмена — фундаментальном правиле, на котором держится такой обмен тысячелетия человеческой истории. В соответствии с трудовой теорией стоимости, товары обмениваются пропорционально на основе сопоставления величин затрат общественно необходимого труда на их производство, в итоге, допустим, цена одного центнера зерна пшеницы

юрид. ф-та СПбГУ, 2005. С. 330–350; Он же. Криминогенность современных моделей экономики — источник глобального финансово-экономического кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1 (18). С. 163–191; Он же. Модель национальной экономики, криминал и глобализация // Ученые записки Международного банковского института. Вып. № 8 (2). Актуальные проблемы экономики и инновации в образовании. Т. 2. СПб.: Изд-во МБИ, 2014. С. 46–55.

соответствует цене трех центнеров картофеля и т.п. Вообще же обменные отношения для человечества являются базовыми и самой распространенной формой общественных отношений и связей, и эквивалентность (равенство!) лежит в их основе; соблюдение этого правила обеспечивает справедливость, отход от него — эту справедливость минимизирует либо вовсе элиминирует.

Что же касается принципа свободы, то он также изначально характерен для рыночной формы хозяйствования: рыночная экономика не может существовать вне свободы — свободы частной собственности, организации бизнеса и сферы предпринимательской деятельности, свободы выбора для производителя (что, как, сколько и для кого производить) и для потребителя (что, сколько и у кого покупать), свободы конкуренции, ценообразования, торговли и т.д. Вот какое понимание либеральных ценностей в экономике исповедовал Людвиг Эрхард: «Я глубоко убежден, что свободное предпринимательское хозяйство сохранится у нас лишь до тех пор, пока наше государство будет стоять на страже свободы. И если кое-кто в лагере предпринимателей этим недоволен, считая это ограничением свободы государством, я могу возразить одно: здесь речь идет о ложно толкуемой свободе, ибо нельзя, прикрываясь именем и принципами свободы, подавлять эту свободу»²¹. Аналогичное понимание рыночной свободы и справедливости существует и у ряда современных специалистов — вот что, к примеру, писал специально для российского читателя еще в 1999 г. главный редактор российско-германского журнала «Politeconom» профессор К. Херрманн-Пиллат: «Главная сила, противостоящая рыночной экономике, — власть как экономическая, так и политическая, порождающая беспорядок в обществе и несправедливость в экономике. Поэтому защита рыночной экономики от власти — важнейшая цель ее политической составляющей. Именно в этом и ни в чем ином заключается основная цель социальной рыночной экономики! Социальная несправедливость и социальные беды объясняются ограничением рыночной конкуренции вследствие «сращивания бизнеса с властью»²².

В современной экономической теории рассматриваемые три принципа совсем иначе интерпретируются, чем, например, в традиционной коммунистической идеологии. Так, в соответствии с постулатами теории публичного сектора экономики, принцип справедливости имеет бинарный механизм воспроизводства: его реализация означает перераспределение доходов в пользу малообеспеченных слоев населения при

одновременной реализации политики защиты свободы частной собственности и создания условий для обеспечения эффективности экономической деятельности. Такой подход гармоничен, поскольку забота о развитии предпринимательства приводит к росту доходов, которые далее можно пропорционально перераспределять в обществе. И, соответственно, чем больше доходов, тем, при прочих равных условиях, выше забота государства о «сырых и убогих» и выше уровень жизни всего населения страны. Такое понимание социальной справедливости утвердилось в экономической науке в посткейнсианский период и самом современном рыночном хозяйстве, обладающем одновременно либеральными свойствами и системой государственного регулирования. Для нашей экономической жизни было бы крайне необходимым и полезным инкорпорировать такой подход в систему хозяйственных отношений и макроэкономического управления, имплементировав его нормы в отечественную правовую систему.

Сегодня для России, претендующей на возвращение в категорию великих держав мира, как никогда остро стоит задача смены модели экономики. Нам нужна такая экономическая модель, которая была бы способна обеспечить принципиальный подъем национального хозяйства и использование его колоссального потенциала (природного, производственного, человеческого). Нужна модель экономики, которая обеспечивает высокое качество жизни для всех граждан, соблюдает принцип социальной справедливости за счет приемлемого уровня дифференциации населения по имуществу и доходам, равнодоступности услуг образования, здравоохранения и социального обеспечения. Нужна модель экономики, которая могла бы, с одной стороны, создать для бизнеса реальные благоприятные условия для мощного развития, с другой стороны, дать самим людям стимулы для высокоэффективного труда и обеспечения на этой основе высокого жизненного уровня. Последнее важно для формирования крепкого среднего класса. Отсутствие такового делает ущербным как само государство, поскольку необеспеченное население несет на себе груз экономического закрепощения, несвободы и социальной апатии, так и гражданское общество, которое остается слабым и аморфным. Важно понимать, что именно средний класс служит материальной основой для укрепления гражданского общества, вне которого — в свою очередь — невозможно существование правового государства и полноценная реализация его принципов²³.

²¹ Эрхард Л. Указ. соч. С. 133.

²² Херрманн-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. 1999. № 12. С. 49.

²³ См.: Колесников В.В. Экономические основания гражданского общества и правовой государственности // Гражданское общество: истоки и современность. / науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 101–143; Колес-

Следует отметить, что для глобализирующегося Запада с присущей ему политикой неолитерализма и постмодерновой идеологией средний класс становится лишним и даже опасным элементом гражданского общества, который мешает целям глобализации, в частности задачам уничтожения национальных суверенитетов, традиций и ценностей. Да и само гражданское общество также, несомненно, служит угрозой намерениям глобализаторов. И мы видим, насколько интенсивно осуществляется уничтожение среднего класса за счет конфискационного изъятия у его представителей недвижимости, другого имущества, денежных средств. Это происходит по «тихому сценарию» под прикрытием экономических и финансовых кризисов, разоряющих некогда состоятельных людей. Показательно, что сверхбогатые во время таких кризисов, как правило, богатеют, на что мы уже раньше обращали внимание читателя²⁴. У нас же пока актуальна другая проблема — нам, наоборот, нужно приложить много усилий, чтобы такой класс сформировался как серьезная социальная сила, на которую можно опираться при осуществлении прогрессивных преобразований в экономике, обществе и праве²⁵.

Помимо новой экономической реформы, результатом которой должно стать появление хозяйственной системы, работающей на интересы всего населения, принципиальный рост благосостояния граждан и возникновение среднего класса, несомненно потребуются адекватные реформы политико-правовой системы — в части полноценной реализации принципов правовой государственности, демократизации избирательной системы и т.д. В совокупности преобразования должны обеспечить реализацию идеалов правового государства и укрепление основ государства социального. Такой курс национальной политики будет способен не только реанимировать, но и широко воспроизводить чувство национального самосознания и патриотизма как основы сплочения общества, укрепления суверенитета страны и ее возрождения.

При этом какой бы вектор внешней политики в дальнейшем не возобладал — интеграция в мировое хозяйство или курс на самодостаточность,

либо вариант, сочетающий оба вектора, — у России в любом случае нет выбора, проводить или не проводить новую экономическую реформу, формировать или не формировать новую модель экономики. Если все оставить по-прежнему, это будет означать самоустранение из системы мировой конкуренции, что равнозначно гибели. Поэтому сегодня как никогда требуется объединение интеллектуальных усилий и экономистов и юристов в деле разработки и осуществления стратегии новых реформ, которые позволят сформировать эффективную экономическую модель и адекватную ей систему уголовно-правового регулирования социально-экономических отношений и институтов.

Список литературы:

1. Колесников В.В. Криминогенность современных моделей экономики — источник глобального финансово-экономического кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1 (18). С. 163–191.
2. Колесников В.В. Модель национальной экономики, криминал и глобализация // Ученые записки Международного банковского института. Вып. № 8 (2): Актуальные проблемы экономики и инновации в образовании / под науч. ред. А.С. Харланова. Т. 2. СПб.: Изд-во МБИ, 2014. С. 46–55.
3. Колесников В.В. О новой парадигме мирового экономического развития и принципах формирования криминологически здоровых хозяйственных систем и моделей экономического поведения. Экономическое развитие и преступность // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб.: Изд. Дом СПбГУ: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2005. С. 330–350.
4. Колесников В.В. Перспективы становления среднего класса // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь: Ариал, 2011. С. 497–527.
5. Колесников В.В. Противодействие криминальным явлениям в экономике: новый тренд // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Эконом. науки. Т. 2. 2012. № 2–2 (144). С. 242–247.
6. Колесников В.В. Экономические основания гражданского общества и правовой государственности // Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 101–143.
7. Колесников В.В. Экономическое отчуждение // Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ) / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь: Ариал, 2014. С. 320–343.
8. Колесников В.В., Егоршин В.М. Преступность в сфере экономической деятельности. СПб.: Фонд «Университет», 2000. 271 с.
9. Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели; пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. 860 с.
10. Лопашенко Н.А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 4 (14). С. 36–44.
11. Лунеев В.В. Преступность XX в. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1999. 516 с.
12. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. М.: Юрайт, 2010. 779 с.
13. Херрманн-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. 1999. № 12. С. 48–53.
14. Эрхард Л. Благосостояние для всех / пер. с нем.; вступ. ст. Б.Б. Багаряцкого, В.Г. Гребенникова. М.: Дело, 2001. 352 с.

ников В.В. Экономическое отчуждение // Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ): монография / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь: Ариал, 2014. С. 320–343.

²⁴ См.: Кризис — благо для олигархов! Кто завидует российским богачам? И почему провалились рыночные реформы // Невское время. 2009. № 210 (4478). 21 нояб. (Интервью с автором. — В.К. и др.).

²⁵ См.: Колесников В.В. Перспективы становления среднего класса // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации: монография / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь: Ариал, 2011. С. 497–527.

Model of the economy and criminal legal regulation

Kolesnikov V.V.

Doctor of economics, professor,
head Chair of the St. Petersburg Law Institute (branch)
of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
E-mail: kvvksn@mail.ru

Abstract. Revealed interconnection and interdependence between the economy and apply models of legal regulation of economic life. Particular attention is paid to the analysis of liberalization of criminal law and its consequences, and criticized the neoliberal economic model. The offers on the transition to a liberal economic model, capable of fundamentally solve the problems of social development, and construction of an adequate system of legal regulation of the sphere of economic activity.

Keywords: criminal-legal regulation of economic activity, the liberalization of criminal law, economic model, liberalism and neo-liberalism in the economy.

References:

1. Kolesnikov V.V. Kriminogennost' sovremennykh modelei ekonomiki — istochnik global'nogo finansovo-ekonomicheskogo krizisa // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2010. № 1 (18). S. 163–191.
2. Kolesnikov V.V. Model' nacional'noi ekonomiki, kriminal i globalizaciya // Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta. Vyp. № 8 (2): Aktual'nye problemy ekonomiki i innovacii v obrazovanii / pod nauch. red. A.S. Harlanova. T. 2. SPb.: Izd-vo MBI, 2014. S. 46–55.
3. Kolesnikov V.V. O novoi paradigme mirovogo ekonomicheskogo razvitiya i principah formirovaniya kriminologicheskoi zdorovykh hozyaistvennykh sistem i modelei ekonomicheskogo povedeniya. Ekonomicheskoe razvitie i prestupnost' // Sovremennye problemy i strategiya bor'by s prestupnost'yu / nauch. red. V.N. Burlakov, B.V. Volzhenkin. SPb.: Izd. Dom SPbGU: Izd-vo yurid. f-ta SPbGU, 2005. S. 330–350.
4. Kolesnikov V.V. Perspektivy stanovleniya srednego klassa // Grazhdanskoe obshchestvo v epohu total'noi globalizacii / nauch. red. I.I. Kal'noi, A.V. Gorban'. Simferopol': Arial, 2011. S. 497–527.
5. Kolesnikov V.V. Protivodeistvie kriminal'nym yavleniyam v ekonomike: novyi trend // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ser.: Ekonom. nauki. T. 2. 2012. № 2–2 (144). S. 242–247.
6. Kolesnikov V.V. Ekonomicheskie osnovaniya grazhdanskogo obshchestva i pravovoi gosudarstvennosti // Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost' / nauch. red. I.I. Kal'noi, I.N. Lopushanskii. 3-e izd., pererab. i dop. SPb.: Yuridicheskii centr Press, 2006. S. 101–143.
7. Kolesnikov V.V. Ekonomicheskoe otchuzhdenie // Intelligenciya: vchera i segodnya (sravnitel'nyi analiz) / nauch. red. I.I. Kal'noi, A.V. Gorban'. Simferopol': Arial, 2014. S. 320–343.
8. Kolesnikov V.V., Egorshin V.M. Prestupnost' v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti. SPb.: Fond «Universitet», 2000. 271 s.
9. Kriminologiya / pod red. Dzh. F. Sheli; per. s angl. 3-e izd. SPb.: Piter, 2003. 860 s.
10. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika Rossii v otnoshenii prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti (analiz na osnove izmenenii ugolovnogo zakonodatel'stva) // Kriminologicheskii zhurnal BGUEP. 2010. № 4 (14). S. 36–44
11. Luneev V.V. Prestupnost' HH v. Mirovoi kriminologicheskii analiz. M.: Norma, 1999. 516 s.
12. Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov / pod red. V.V. Luneeva. M.: Yurait, 2010. 779 s.
13. Herrmann-Pillat K. Social'naya rynochnaya ekonomika kak forma civilizacii // Voprosy ekonomiki. 1999. №12. S. 48–53.
14. Erhard L. Blagosostoyanie dlya vseh / per. s nem.; vstup. st. B.B. Bagaryackogo, V.G. Grebennikova. M.: Delo, 2001. 352 s.